УДК 330.101.8

Наталья МЕДЕН

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ РЫНОЧНОМ ХОЗЯЙСТВЕ. ОПЫТ ГЕРМАНИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о месте энергетической трансформации в социальном рыночном хозяйстве ФРГ. Совместима ли хозяйственная практика энергетической трансформации с теоретическими положениями классиков социального рыночного хозяйства? Меняется ли это соотношение? Автор предлагает внести терминологическую ясность, отличая понятие “энергетическая трансформация” как долговременного процесса структурной перестройки энергосистемы, от понятия “энергетический поворот”, имея в виду пакет решений 2011 г.

Ключевые слова: Германия, социальное рыночное хозяйство, энергетическая трансформация, энергетический поворот, федеральное правительство, регулирование в электроэнергетике, конкуренция, рыночная власть.

Концепция энергетической трансформации и практический опыт её реализации вызывают неуклонный интерес за рубежом и выступают предметом острых внутриполитических и научных дискуссий в Германии. Особое место в научном дискурсе занимает вопрос о месте процессов энергетической трансформации в социальном рыночном хозяйстве (СРХ) той социально-экономической модели, которая сформировалась в ФРГ, будучи изначально привязанной к неолиберальной концепции Вальтера Ойкена и его последователей¹. В российских публикациях этот аспект немецкой энергетической трансформации оставлен без внимания. Представляется, однако, что успехи, которых достигла Германия в становлении *экологически ответственной политики* [Тоганова, 2016], неправомерно рассматривать вне рамок сложившейся в этой стране социально-экономической модели.

¹ По вопросам теории социального рыночного хозяйства имеется обширный корпус источников, в т.ч. на русском языке, см. напр. [Супян, 2015]. Особого внимания заслуживают публикации в рамках проекта Фонда К. Аденауэра, включая сборник “Социальное рыночное хозяйство: основоположники и классики”. М., 2017, 416 с.

Во избежание терминологической путаницы¹ мы предлагаем отличать универсальное понятие “энергетическая трансформация” как синоним современной энергетической революции от понятия “энергетический поворот”, которое целесообразно относить к национальной немецкой стратегии 2011 г. В таком смысле оба термина используются в данной статье.

Эволюция социально-экономической системы Германии сопровождалась неизбежными отступлениями от идей, заложенных в концепцию социального рыночного хозяйства ее основоположниками. С этой точки зрения авторитетный германист В.П. Гутник проанализировал кредитно-денежную, конкурентную и социальную политику ФРГ [Гутник, 2002]. Между тем именно на рубеже 2000-х гг. в рамках курса на экологическое обновление федеральное правительство приняло решения о поддержке возобновляемой энергетики (Закон о возобновляемой энергетике, ЗВИЭ) и отказе от атомной энергетики (атомный консенсус 2000–2002 гг.). Энергетическая политика не только обрела новые цели, но и обратилась к инструментам, вызвавшим резкую критику за несовместимость с духом идей Ойкена и Эрхарда. Если в конце 1960-х гг. К. Шиллеру ставили в вину попытку синтеза противоположностей, то методы энергетической трансформации (далее – ЭТ) были сразу восприняты как подмена конкуренции, а в представлении Фрайбургской школы это основной принцип хозяйственного порядка, планированием. До настоящего времени практика энергетической трансформации подвергается критике последователей неолиберальной школы. Они считают недопустимым вмешательством в рынок фиксированный вводный тариф, экологический налог и субсидии ВИЭ [Cassel, Thomas, 2011], говорят о “конструктивной ошибке” ЭТ [Schmidt, 2018], требуют отказа от нормативов на выбросы CO₂, ограничившись в климатической политике торгovel сертификатами [Frondel, 2018].

Как известно, приверженность принципам социального рыночного хозяйства зафиксирована в Основном законе ФРГ и Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии. Нынешнее правительство подтвердило свою готовность опираться на идейное наследие Людвиг Эрхарда. За этой ритуальной декларацией в действиях и заявлениях правительства, имеющих отношение к энергетической трансформации, прослеживается ориентация на классические принципы СРХ. В числе прочего:

1. Заявлением, что через 4–5 лет возобновляемая электроэнергетика станет “полностью конкурентоспособной”, П. Альтмайер подтвердил необратимость перехода от фиксированного вводного тарифа к тендерам, то есть от “методов плановой экономики” к рыночным. Несмотря на противодействие “зелёного лобби”, сохранен принцип “технологической нейтральности”, по которому для ветровой и солнечной энергетики проводится общий конкурс, и эти два сектора конкурируют

¹ Перевод термина “Wende” представляет известную трудность. К примеру, события 1989–1991 гг. российские историки называют “мирной революцией” или периодом воссоединения Германии. Философы говорят о “коперниканском перевороте” или “повороте” Канта. “Energiewende” российские экономисты и политологи переводят как “революция”, “поворот”, “реформа”, “трансформация”. В англоязычной литературе используются термины “energy transition” и “energy revolution”.

между собой. Требованиями конкурентной политики продиктовано и решение правительства исключить льготы для участия в тендерах кооперативов гражданских ветропарков (пока на период до середины 2019 г.) (см. подробнее [Меден, 2018]). Уместно напомнить, что с точки зрения неолибералов кооперативам нет места в хозяйственном порядке, одним из конституирующих принципов которого выступает частная собственность.

2. Впервые на уровне министерства озвучена возможность отмены права ВИЭ на первоочередную запитку электричества в сеть¹ для снижения затрат по управлению сетями. Тогда возобновляемая электроэнергетика лишилась бы ключевого преимущества в конкуренции с традиционными электростанциями, которые в настоящее время находятся в положении комплементарных источников энергоснабжения.

3. Решение о компенсации владельцам АЭС за ущерб (утверждено в мае 2018 г.), понесенный в результате энергетического поворота, отвечает конституирующему принципу имущественной ответственности. Действуя согласно рекомендациям Конституционного суда, федеральное правительство обязалось компенсировать ущерб за неполное использование компаниями Vattenfall и RWE объемов выработки, оговоренных по “атомному консенсусу” 2002 г., и за инвестиции, вложенные в расчете на продление сроков эксплуатации АЭС, что предусматривалось в 2010 г. (см. подробнее [Зимаков, 2017]).

4. Социальный аспект ЭТ подчеркнут позицией министра по вопросу об отказе от угольной энергетики: реструктуризация угледобывающих регионов не должна привести к сокращению численности рабочих мест.

Стало быть, действующее правительство принимает меры, чтобы ликвидировать отступления от принципов СРХ, допущенные в прошлом? Приведём характерное высказывание одного из видных специалистов по теории СРХ М. Вольгемута: “Узнав о доле государственных расходов (прежде всего, социальных) и государственного долга в социальном продукте, о недавно введенной минимальной заработной плате или об энергетическом повороте в духе плановой экономики, основоположники социального рыночного хозяйства могли бы сегодня спросить, что же случилось со ‘свободным рынком’” [Wohlgemut, 2014]. В этой цитате заслуживают внимания как минимум два обстоятельства: дата, а также упоминание энергетической трансформации наряду с другими политическими решениями. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, что подразумевается под “духом плановой экономики”, в чём конкретно архитекторы ЭТ отступили от заповедей, сформулированных основоположниками социального рыночного хозяйства.

Что касается даты, к середине 2010-х гг. ускорился тот самый процесс реформирования ЗВИЭ, который сегодня позволяет министру экономики и энергетики говорить о восстановлении в электроэнергетике конкурентных отношений. Первым резонансным конфликтом, вызванным государственным вмешательством в конкуренцию, была попытка энергокомпании PreussenElektra AG добиться возмещения ущерба, нанесенного ей применением закона “О предоставлении сети возобновляе-

¹ Этот вывод содержится в докладе специалистов институтов Ecofys, Consentec и ВВН, что особенно важно, подготовленном по заказу федерального министерства экономики и энергетики.

мым источникам энергии” (принят в 1980 г., судебный процесс продолжался в 1998–2002 гг.). Высшая судебная инстанция ЕС отклонила требования компании, не усмотрев нарушений европейского законодательства. Более того, из решения суда следовало, что “зелёную надбавку” (EEG-Umlage), введённую в платежи потребителей согласно ЗВИЭ, не правомерно считать субсидией, поскольку в ней не задействован госбюджет. Таким образом, исход дела PreussenElektra способствовал беспрепятственному применению ЗВИЭ, хотя и не исключил его критику с либеральных позиций (ордолибералы считали недопустимым использование субсидий в практике СРХ).

На рубеже 2010-х гг. критика сосредоточилась на том, что максимальную финансовую поддержку получает самый неэффективный сегмент возобновляемой электроэнергетики – солнечная: её доля в производстве электроэнергии была существенно ниже, чем в финансовой поддержке, при том что на производство 1 кВт·ч электроэнергии расходовалось максимальное количество средств, собранных с потребителей (к примеру, в 2012 г. в 5 раз больше, чем на производство ветряками) [Erneuerbare Energien, 2017: 39, 44]. К тому же форсированное развитие возобновляемой электроэнергетики обернулось серьёзными диспропорциями в развитии энергосистемы как единого целого. Федеральный центр предпринял меры по синхронизации темпов развития генерирующего и сетевого секторов, а также по ограничению объёма финансирования возобновляемой электроэнергетики, но их результативность оказалась ниже ожидаемой, а в ряде случаев даже отрицательной. Проблемы воспринимались особенно остро на фоне кризиса, побуждавшего правительство ФРГ (как и других стран ЕС, см. [Кавешников, 2014]) к снижению рисков, связанных с распространением ВИЭ. В 2010 г. ради сдерживания роста цен на электроэнергию и выполнения климатических целей бундестаг утвердил Энергетическую стратегию, согласно которой, вопреки принятому в 2002 г. “атомному консенсусу”, срок эксплуатации АЭС был существенно продлён [Зимаков, 2017]. Последовавший “энергетический переворот” и особенно мораторий марта 2011 г. были продиктованы электоральными интересами. Вместе с тем немецкие экономисты [Blazejczak and oth., 2011], хотя и без ссылок на кейнсианские рецепты, ожидали, что энергетический поворот приведет к оживлению экономической конъюнктуры в стране. Заметим: утвердившее “нерыночные” стратегии 2010 и 2011 гг. правительство одновременно провозгласило курс на рыночную интеграцию ВИЭ [Меден, 2014]. Реформа ЗВИЭ была задана выдвинутым на европейском уровне требованием к странам Евросоюза разработать “экономически обоснованные схемы поддержки” ВИЭ, ориентированные на рыночные механизмы. Но уже реформе ЗВИЭ-2012 в Германии была введена “модель рыночной премии”, нацеленная на подключение возобновляемой энергетики к энергетическому рынку через продажи на бирже (вместо сдачи в сети по фиксированному тарифу). Первоначально добровольная, эта модель после реформы ЗВИЭ-2014 стала обязательной.

Наконец, реформа 2017 г. заменила фиксированный тариф¹ тендерами: как заявлено, при достигнутых объёмах генерации возобновляемая электроэнергетика не может претендовать на прежние формы поддержки. Проведение единого тендера

¹ Сохранён для установок малой мощности.

для солнечной и ветровой энергетики (с апреля 2018 г.) вызвало критику со стороны лоббистов; два сектора хотят избежать конкуренции между собой, подчёркивая взаимодополняемость обеих технологий.

Однако правительство не исключило и директивные методы регулирования. Так, Закон о ВИЭ в теплоснабжении (2015) предписывает, что не менее 15% новых систем отопления должны работать от ВИЭ, а Закон о цифровизации (2015) определил жёсткий график установки умных счётчиков. В последнем случае ответственность за административный подход лежит на Европейской комиссии. Административный подход просматривается и в организации тендеров: их ежегодный объём ограничен “коридором” [Меден, 2018]; во избежание перегрузок сетей определены границы *региона развития сетей* с порогом по приросту мощностей, а за его пределами учитывается *компонент распределительных сетей*. Приверженность административным методам поддержки возобновляемой электроэнергетики очень заметна на региональном уровне¹. В соответствии с принципом субсидиарности, укорененным в модели СРХ, федеральные земли располагают возможностью оказывать дополнительную поддержку возобновляемой энергетике.

Таким образом, курс на рыночную интеграцию ВИЭ не был прямолинейным. Действия нынешнего правительства позволяют предположить, что оно сохранит верность компромиссному стилю принятия решений. К примеру, не следует ожидать полной отмены закона о запитке в сети электроэнергии от возобновляемых источников, но правительство рассматривает возможность введения ограничений при угрозе надежности энергоснабжения. Не последовательна позиция по сохранению рабочих мест: при обсуждении перспектив угольной генерации эта тема выдвигается как приоритет, но сокращение занятости в энергомашиностроении² игнорируется. Правда, сокращение рабочих мест в связи с отказом от бурого угля касается восточных земель с их и без того относительно высоким уровнем безработицы.

По сравнению с началом 2000-х гг. и с энергетическим поворотом, федеральное правительство сильнее ориентировано на европейскую энергетическую политику. “Энергетическая трансформация будет жизнеспособной только в том случае, если она обретёт глобальный масштаб ... <это> не решение отдельных стран”, – заявляет П. Альтмайер, и это не просто словесная декларация. Отметим, во-первых, приверженность правительства национальному плану строительства сетей (NEP) несмотря на то, что часть экспертного сообщества и бизнеса считают план завышенным³. Видимо, сказывается требование Европейской комиссии ускорить строитель-

¹ Ограничимся некоторыми актуальными примерами: в Шлезвиг-Гольштейне выделено 200 тыс. евро на поддержку проектов по созданию кооперативов в ветроэнергетике (июль 2018 г.). В Тюрингине с 2019 г. вводится обязательство устанавливать фотобатареи в новостройках.

² За последние полтора года сокращено свыше 2 тыс. рабочих мест. Закрыты заводы Senvion в Хузуме, Powerblades в Бремерхафене, Carbon Rotec в Лемвердере, объявлено о сокращении свыше 800 мест на заводах компании Enercon. По данным опросов ожидаются сокращения на 40% предприятий отрасли.

³ В качестве альтернатив предлагается модернизация существующих сетей при условии полного отключения угольных ТЭС или строительство на юге страны небольших газовых

ство под угрозой разделить страну на 2 ценовые зоны, что отвергает Берлин. NEP привязан к европейскому плану TYNDP, нацеленному на формирование единого электроэнергетического рынка Евросоюза. Во-вторых, ориентация на Брюссель сказывается в климатической политике. Учитывая неопределённость вокруг Парижского соглашения, немецкие политики все настоятельнее перекладывают ответственность за реализацию климатической политики на Евросоюз.

Гарантирует ли подобное делегирование полномочий соответствие энергетической политики принципам СРХ? Не обязательно, хотя бы потому, что с точки зрения ордолиберального канона политика ЕС¹ не безукоризненна. Это можно продемонстрировать на том же примере климатических целей ЭТ: ценообразование в торговле сертификатами свободным не назовешь (впрочем, и сам рынок создан искусственно – такую перспективу во времена В. Ойкена невозможно было предвидеть). К тому же позиция Евросоюза изменчива. Если в начале 2000-х гг. ЗВИЭ не считался субсидией, то в 2010-е гг. Еврокомиссия инициировала ряд расследований, в которых данный закон фигурировал именно в таком качестве².

Представляется, что отступления от классической ордолиберальной модели в практике ЭТ не исчерпываются описанными выше элементами “плановой экономики”. Известно, например, что ордолибералы считали важной задачей противодействие “игре властных группировок”, под влиянием которой “хозяйственный порядок... становится архаичным” [Гольдшмидт, Вольгемут, 2017: 17]. Однако зелёная энергетика сразу стала формировать привычные менталитету немецких предпринимателей лоббистские структуры, которые в настоящее время защищают её интересы и во многом определяют направление научного мейнстрима.

Классическому пониманию СРХ свойственно также неприятие властных позиций монополий. Ориентированная на децентрализованную выработку электроэнергии, ЭТ внесла свой вклад в разрушение естественной монополии и подрыв господства на рынке вертикально интегрированных компаний. По данным Монопольной комиссии рыночная власть “большой четвёрки” (концерны Eon, RWE, Vattenfall и EnBW) за последние 15 лет ослабела под влиянием ЭТ и либерализации, запущенной почти одновременно с ЭТ. Фактически упомянутая выше “четвёрка” в прежнем виде уже не существует. Вертикально интегрированная структура сохранилась только у EnBW. Vattenfall продал свои бурогольные электростанции (см. подробнее [Меден, 2016]). В том же 2016 г. произошло разделение Eon и RWE по отраслевому признаку: Eon создал дочернюю компанию Uniper, передав ей угольную и газовую генерацию, а RWE – дочернюю Innogy, специализированную на сетевом бизнесе и возобновляемой энергетике. В 2018 г. последовало новое переформати-

электростанций. Критики указывают на пренебрежение возможностями, которые открываются в связи с децентрализацией энергоснабжения и цифровизацией.

¹ Ст. 3(3) Лиссабонского договора включает положение о “конкурентоспособном социальном рыночном хозяйстве”.

² В 2013 г. под вопрос были поставлены положения реформы ЗВИЭ-2012 о льготах для предприятий энергоёмкой промышленности, “зелёной привилегии” и обязательной запитке зелёного электричества в энергосети, в 2017 г. – о допустимости образования резерва мощностей.

рование: Eon, продав Uniper финской компании Fortum и обменявшись активами с RWE, займёт доминирующие позиции в распределительных сетях и уходит из генерации, где будет доминировать RWE. С точки зрения председателя Монопольной комиссии, соглашение RWE и Eon не нарушает принципов свободной конкуренции, поскольку сбытовой сегмент открыт для участия новых игроков, а сети находятся под контролем регулятора (добавим, что принцип современного регулирования отвечает идеям Л. Микша, ученика В. Ойкена), хотя “RWE усиливает позиции на двух рынках, значение которых в перспективе существенно увеличится. Огорчительно, что крупный игрок Eon покидает эти рынки”¹. Представляется, что низкие барьеры для входа на рынок и большое число его участников не останавливают тенденцию к монополизации, имеющую место в сбытовом сегменте. Подтверждается тезис К. Кемпферт: шансы на полноценное участие в современном немецком энергорынке имеют только крупные игроки [Kemfert, 2017]. Правда, противопоставление ЭТ и “империи ископаемого топлива” [там же] не выглядит убедительным. К тому же, на наш взгляд, в настоящее время наблюдается тенденция к усилению роли крупных энергокомпаний в производстве электроэнергии на основе энергии ветра и солнца. Этот вывод проиллюстрируем на примере EnBW. Установленные мощности наземных ветропарков концерна выросли с 217 МВт в 2016 г. до 416 МВт в 2017 г.² В морской ветроэнергетике EnBW принадлежат крупнейшие в Германии ветропарки Hohe See и Albatros на Северном море, а на Балтийском – Baltic 1 und Baltic 2. В солнечной энергетике установленная мощность принадлежащих концерну энергопарков уже превышает 10% мощностей Баден-Вюртемберга (исторически это зона естественной монополии концерна)³, причём EnBW владеет крупнейшими парками Ульм-Эггинген 6,5 МВт и Охзенберг/Кёнигсбронн 10 МВт.

Отметим, что в оншорной ветроэнергетике в ближайшие годы будет происходить обновление с увеличением мощности (и стоимости) установок, причём многие прежние владельцы прекратят эксплуатацию своих ветряков. Видимо, и цифровизация укрепит позиции крупных компаний, прежде всего в секторе сбыта, потому что мелкому бизнесу, как и prosumer’ам (производящий, или продвинутый, потребитель, который производит электроэнергию и регулирует потребление в зависимости от спроса на рынке), недоступны технологичные решения, востребованные потребителем⁴.

Думается, что при анализе энергетической трансформации в категориях СРХ следует исходить из того, что существующая социально-экономическая модель да-

¹ URL: <https://www.presseportal.de/pm/30621/3889122>.

² По данным компании. URL: <https://www.enbw.com/erneuerbare-energien/uebersicht>.

³ Концерн владеет солнечными парками в других землях, включая крупнейший в ФРГ.

⁴ “Мы предлагаем клиенту больше, чем электричество... продукты, которые позволяют создавать добавочную стоимость, связанную с энергией, делают дома умными и позволяют децентрализовать энергоснабжение”, – утверждает представитель крупнейшей энергокомпании Eon. У этой компании доходность консалтинговых услуг по энергоэкономии выше, чем от энергоснабжения. URL: <https://www.wiwo.de/unternehmen/energie/energiemarkt-e-on-gewinnt-im-ersten-halbjahr-50-000-neukunden/22874496.html>.

леко отошла от теоретических замыслов своих основоположников. Применительно к энергетике следует учесть, уже при Людвиге Эрхарде для этой естественной монополии допускались серьезные отклонения от базовой модели СРХ, в частности изъятие из Закона о конкуренции 1957 г. В настоящее время правительство объясняет свои “нерыночные” действия по отношению к энергетике (и не только) критической значимостью отрасли. На этом основании были купированы обе попытки китайского государственного концерна State Grid Corporation приобрести 20% акций немецкого оператора магистральных сетей 50Hertz. Пакет перешел к государственному банку KfW, то есть имеет место частичная национализация компании, что опять же противоречит установкам классиков СРХ. Отметим, что такая практика противоречит принципу открытых рынков, который в классической схеме относится к конституирующим принципам хозяйственного порядка.

* * *

Итак, многие механизмы, которые применялись и применяются в ходе энергетической трансформации, не соответствуют принципиальным требованиям основоположников концепции социального рыночного хозяйства. Однако в чистом виде концепция СРХ представляет собой скорее научную абстракцию, тем более применительно к энергетической отрасли, которая находилась в особом положении и при Эрхарде. Из сказанного, однако, не следует, что модель социального рыночного хозяйства всего лишь иллюзия или “одна из двух плохих идей XX века” (по словам Э. Фелпса). Успехи немецкой экономики, и в том числе прогресс в энергетической трансформации, опровергают такое критическое суждение. ЭТ формирует хозяйственный порядок в энергетике таким образом, чтобы он отвечал запросам потребителей, а в конкретных исторических условиях он выражается в стремлении к экологически ответственной энергетике. Этот интерес совпадает со стремлением федерального правительства снизить зависимость от импорта топлива и одновременно укрепить международную конкурентоспособность при переходе на новые технологии.

Список литературы

- Гольдшмидт Н., Вольгемут М. (2017) “Концептуальные основы социального рыночного хозяйства в Германии”, в кн.: *Социальное рыночное хозяйство. Основоположники и классики*, Москва, Россия, с. 16–26.
- Зимаков А.В. (2017) Трансформация энергетики в Германии: судьба атомной и угольной отрасли, *Современная Европа*, №5, с. 74–86.
- Кавешников Н.Ю. (2014) Возобновляемая энергетика в ЕС: смена приоритетов, *Мировая экономика и международные отношения*, №12, с. 70–81.
- Меден Н.К. (2016) “Декарбонизация: драйвер энергетической политики-2015”, в кн.: Федоров В.П. и др.; В.Б. Белов (ред.) *Германия. 2015*, Ч. I, Ин-т Европы РАН, Москва, Россия, с. 46–67.
- Меден Н.К. (2018) Энергетическая трансформация в Германии: итоги и новое видение перспектив, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, №2, с. 142–151.
- Супян Н.В. (2015) “Особенности процесса энергетической трансформации в ФРГ”, *Современная Германия. Экономика и политика*, Москва, Россия, с. 291–304.
- Тоганова Н.В. (2016) Политико-экономические стимулы экологизации энергетики. Вопросы теории и опыт Германии, *Международные процессы*, Т. 14, №2 (45), с. 48–64.

References

- Cassel S., Thomas T. (2011) "Energiewende: Mehr Ordnung im Instrumentenkasten! Wirtschaftliche Freiheit, 2011", available at: <http://wirtschaftlichefreiheit.de/wordpress/?p=6249>.
- Erneuerbare Energien und das EEG: Zahlen, Fakten, Grafiken (2017) "Grafik- und Tabellenband Berlin, 10. Juli 2017", available at: https://www.bdew.de/media/documents/Awh_20170710_Erneuerbare-Energien-EEG_2017.pdf.
- Fronzel M. (2018) Die Verteilung der Kosten des Ausbaus der Erneuerbaren, *Energiewirtschaft*, Vol. 42, S. 103–116.
- Goldshmidt N., Volgemut M. (2017) "Kontseptualnyie osnovyi sotsialnogo ryinochnogo hozyaystva v Germanii", in: *Sotsialnoe ryinochnoe hozyaystvo. Osnovopolozhniki i klassiki*, Moscow, Russia, pp. 16–26.
- Kaveshnikov N.Yu. (2014) Vozobnovlyayemaya energetika v ES: smena prioritetov, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*, №12, pp. 70–81.
- Kemfert C. (2017) *Das fossile Imperium schlägt zurück*, Murmann Verlag, Hamburg, Germany, 132 S.
- Meden N.K. (2016) "Dekarbonizatsiya: drayver energeticheskoy politiki-2015", in: Fyodorov V.P. and oth.; V.B. Belov (ed.) *Germany. 2015*, P. I, In-t Evropy RAN, Moscow, Russia, pp. 46–67.
- Meden N.K. (2018) Energeticheskaya transformatsiya v Germanii: itogi i novoe videnie perspektiv, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, №2, pp. 142–151.
- Schmidt C.M. (2018) "Der große Konstruktionsfehler der Energiewende. Wirtschaftliche Freiheit, 2018", available at: <http://wirtschaftlichefreiheit.de/wordpress/?p=22911>.
- Supyan N.V. (2015) "Osobennosti protsessa energeticheskoy transformatsii v FRG", *Sovremennaya Germaniya. Ekonomika i politika*, Moscow, Russia, pp. 291–304.
- Toganova N.V. (2016) Politiko-ekonomicheskie stimulyi ekologizatsii energetiki. Voprosy teorii i opyt Germanii, *Mezhdunarodnyie protsessy*, T. 14, №2 (45), pp. 48–64.
- Wohlgemuth M. (2014) "Die Soziale Marktwirtschaft weiterentwickeln", available at: https://www.ksz.de/fileadmin/user_upload/Tagespost/Wohlgemuth-Soziale_Marktwirtschaft.pdf.
- Zimakov A.V. (2017) Transformatsiya energetiki v Germanii: sudba atomnoy i ugolnoy otrasli, *Sovremennaya Evropa*, №5, pp. 74–86.

Energy Revolution in Social Market Economy. German Experience

Author: Meden N., Editor of "Vestnik MGIMO-Universiteta". **Address:** 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** natali_meden@mail.ru

Abstract. The paper explores the place of the energy revolution in German social market economy. The following questions are considered: to what extent does the energy revolution conform to the theoretical postulates of social market economy? Is this relation changeable? The author proposes to clarify the terminology, intending to distinguish the "energy revolution", a long-term restructuring of electric power system, from "Energiewende", a package of government solutions of 2011. Energy transformation forms the order that answers the requests of the customers. In the concrete historical conditions it attempts to achieve the ecologically responsible energetics. The author concludes that this interest coincided with the intention of the federal government to reduce the dependence on import of the fuel and at the same time to strengthen the international competitiveness due to the shift to new technologies.

Key words: Germany, social market economy, energy revolution, energy transition, federal government, energy regulation, concurrence, market power.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019142150>